

ВКЛАД Л.Н. КЕКУШЕВА В РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ МОСКВЫ

В 2012 году исполнилось 150 лет со дня рождения московского архитектора Льва Николаевича Кекушева (1862–1917). За последнюю четверть XX века, ознаменованную широким интересом к архитектуре и искусству Серебряного века, имя этого «архитектора-энциклопедиста», высоко ценимого современниками мастера московского модерна, стало достаточно известным, а его многие незаурядные произведения по праву вошли в число объектов культурного наследия Москвы. Впрочем, даже популярность и внимание со стороны московских историков архитектуры и краеведов долгое время не позволяли выстроить его полную творческую биографию. Только благодаря архивным находкам последних лет, наконец, появилась возможность охватить весь творческий и жизненный путь архитектора и в год юбилея выпустить о нём первые монографические издания.

Книга, представляемая читателю, посвящена московским постройкам зодчего, которые занимают, несомненно, центральное место среди его работ. Льва Кекушева справедливо называют московским архитектором. Это означает не только то, что его творческая жизнь прошла в Москве и здесь сохранилось немало его работ, но и особое, присущее им качество, – своеобразный московский шарм, даром создания которого обладали и обладают далеко не все творцы её архитектуры.

Москва всегда поражала заезжих европейцев пестротой и яркостью своего облика, так разительно не похожее на классические столицы Европы. Столетия главным украшением Первопрестольной, объединяющим её в единое художественное целое, были «сорок сороков» церквей, создававших её неподражаемый, единственный в своём роде силуэт, тонущий в зелени знаменитых московских садов. Однако XIX столетие, начавшееся для города грандиозным пожаром 1812 года, выдвинуло на первый план новую задачу – гармонизацию жилой застройки, преобразование московских площадей и улиц в целостные архитектурные ансамбли. Постепенно важнейшей

оценочной характеристикой московских новостроек, актуальной по сей день, стало их архитектурное и строительное качество, которым в полной мере наделены лучшие постройки Кекушева в Москве, созданные в 1890-х – 1900-х годах.

В должности московского городского архитектора Кекушев проработал всего несколько лет (с 1893 по 1898 год), успев принять участие в оформлении редкого праздника – коронационных торжеств, оказавшихся в России самыми пышными и... последними. В последующие годы он занимался в основном частной практикой, выстроив в Москве около 60 зданий. Хотя энергичному и удачливому архитектору, строившему для многих богатых московских купцов, полной самореализации судьба, думается, так и не предоставила, это солидное число сооружений свидетельствует не только о его работоспособности, но и об умении вести дела с именитыми заказчиками – Мамонтовым, Хлудовыми, Кузнецовыми, Носовыми, деловые отношения с которыми обычно сохранялись у него надолго.

Творческая жизнь Кекушева почти полностью пришлась на годы господства в России архитектурного многостилья, которое в полной мере не смог покорить даже новый стиль модерн. Повинуясь велению времени и начав успешно проектировать в формах поздней эклектики, с явным предпочтением неогреческих и ренессансных мотивов, архитектор уже в конце 1890-х годов, ранее многих своих коллег, разработал свой собственный легко узнаваемый стилистический язык модерна, и именно ему принадлежит почётное первенство в развитии московского варианта стиля. Однако оба этих стилистических начала проходят через всё его творчество, они стали импульсом для создания выдающихся сооружений. Практически одновременно неподражаемая Грачёвка с её великолепным двухсветным залом – одним из самых красивых в Москве, отразила эстетику поздней московской эклектики, а собственный особняк зодчего в Глазовском переулке стал первым произведением московского стиля модерн.

Как и многие зодчие конца XIX – начала XX века, Лев Кекушев не был москвичом по рождению, он приехал в Москву уже с дипломом гражданского инженера, но именно в его постройках оказалось на редкость точно и ярко воплощено своеобразие московской архитектуры. Можно сказать, что ему удалось с поразительной чуткостью впитать и отразить в своём творчестве все наиболее характерные художественные вкусы москвичей – неистребимую патриархальность и тягу к острой новизне, любовь к броскому запоминающемуся декору и яркому цвету, приверженность к самым невероятным выдумкам и фантазиям, наконец, желание любыми средствами выделиться, выстроить что-то из ряда вон выходящее, бросающееся в глаза, вызывающее завистливые взоры соседей. Для самого Кекушева на протяжении всего творческого пути неизменными остались такие эстетические предпочтения конца XIX века, как приверженность к скульптурному декору и использованию орнаментов, изобретательное применение ордера, полихромия и многостилье в отделке интерьеров, которые очень точно соответствовали консервативным архитектурным вкусам москвичей и их естественному стремлению к внешней стабильности и традициям.

В архитектуре кекушевских особняков неизменно обращают на себя внимание сложность объёмного построения, значимость силуэта, особые «перспективные» порталы и аппликативные пятна наличников, использование керамики, мозаики, фигурных оконных рам, резных дверных полотнищ и кованых металлических ограждений – всё это обнаруживало глубинную связь его творчества с историческими традициями русского зодчества и подчёркивало преемственность модерна с предшествующим развитием русской архитектуры, которой так недоставало многим его современникам. Яркое художественное дарование позволяло ему всякий раз находить новые оригинальные решения, оставаясь в рамках узнаваемой индивидуальной манеры, многими нитями связанной с предыдущим этапом развития архитектуры. Неудивительно, что эти качества обеспечивали Кекушеву стойкую популярность у самых завидных и именитых московских заказчиков. Увлекать их своими идеями зодчему помогало прекрасное владение пером и кистью, которым он отличался с институтской скамьи – его проектные чертежи могут служить эталонами архитектурной графики своего времени.

Яркую художественную натуру Кекушева отличали остроумие, изобретательность, эффектность – качества, которые как нельзя лучше отвечали эстетике нового стиля и особенно его декору, который отличался от декора предыдущих исторических стилей неканоничностью, легкостью и динамизмом. Любовь мастера к скульптурному декору, отвечавшая московскому пониманию архитектурного богатства, воплощалась в многообразной скульптурной декорации из камня, металла и стукко, выразившей обе ключевые темы декора стиля модерн – растительную

орнаментику и многоликие рельефы женских головок, а также в частом использовании круглой мону-ментальной скульптуры (к сожалению, почти везде утраченной!), роднившей кекушевские произведения с европейским зодчеством. Зарождавшиеся в начале XX века пуризм и аскетизм в трактовке архитектурной формы, а также неоклассическая аранжировка ампирических мотивов его не вдохновляли, а потому Лев Кекушев оказался одним из самых последовательных приверженцев модерна в Москве 1900-х – начала 1910-х годов.

Как пионер нового стиля зодчий, безусловно, повлиял на становление и развитие стиля модерн в городе. Глубоко индивидуальная манера и общепризнанные «талантливые шаблоны» вызывали у молодых коллег естественное желание подражать мастеру, а его лучшие московские постройки, не раз опубликованные в печати, «эхом» отозвались и в провинции. Обаяние архитектурных образов знаменитых кекушевских особняков было так велико, что в провинциальной архитектуре России можно нередко найти цитаты из них. Надо сказать, что композиционные находки Кекушева вдохновляют и современных зодчих, ценящих их стилистическую цельность и художественные достоинства.

Сегодня нетронутые фрагменты исторической застройки в Москве можно пересчитать по пальцам, и среди них особенно ценны те, которые могут служить своего рода эталонами времени. Именно к таким относится небольшая усадьба Остоженки, где сохранились четыре стоящие рядом постройки Кекушева, отражающие особую рафинированную архитектурную пластику рубежа веков. «Лицо» московского дома издавна было «говорящим» – оно обозначало статус владельца, его характер, амбиции и понимание красоты, то есть выполняло примерно ту же роль, что и нарядная одежда, отличная от повседневной и надеваемая для выхода в гости. Пользуясь этой метафорой, можно сказать, что «лица» кекушевских построек донесли до нашего времени лучшие черты многоликого образа Москвы Серебряного века.

Знаменитый московский художественный журнал начала XX века «Золотое руно» выразил эстетические потребности своего времени так: «Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без Красоты нельзя и <...>, надо завоевать для наших потомков свободное, яркое, озаренное солнцем творчество, влекомое неутолимой исканием, и сохранить для них Вечные ценности, выкованные рядами поколений». Служение Красоте и желание сделать современный город комфортнее и гармоничнее – вот что вдохновляло творчество выдающегося московского архитектора Льва Кекушева, пионера московского модерна.

Доктор искусствоведения М.В. Нащокина